

Однако неожиданная болезнь помешала Алексею Федоровичу в работе над этой частью, для которой были написаны только "Введение" и начало главы "Эстетика и литературная критика".

За две недели до кончины Алексея Федоровича я переговорила с директором издательства "Прогресс" А. К. Авеличевым о возможности печатания книги "Владимир Соловьев и его время". А. К. Авеличев с готовностью откликнулся на эту просьбу (он в свое время издал две книги А. Ф. Лосева, будучи директором издательства МГУ). И я передала ему один из последних трудов А. Ф. Лосева.

Книга "Владимир Соловьев и его время" вышла в издательстве "Прогресс" в конце января 1990 г., окончательный свой вид она получила уже после кончины ее автора 24 мая 1988 г. В состав ее не вошли главы об изучении Вл. Соловьева в СССР и библиография как незавершенные, а также задуманный, но неосуществленный раздел "От социально-политического утопизма к апокалиптике", небольшой фрагмент из которого и печатается в этом ежегоднике.

А. А. Тахо-Годи

"И ЗДЕСЬ И В ВЕЧНОСТИ"

Письмо А. Ф. Лосева К Н. М. Тарабукину
(15 Января 1956 Года)

Умирающему не принято напоминать о смерти. Обычно в таких случаях говорят, что он поправится и "все будет хорошо". Надо, однако, признать, что такое — с житейской точки зрения вполне понятное — поведение родных и близких больного характеризует далеко не всякое общество и не всякую эпоху. Оно типично для нового времени и особенно там, где усиливается развлекательная сторона бытия человека, отчего не только притупляется осознание неизбежности смерти, но и самый факт конечности жизни воспринимается как досадная случайность, "ошибка природы". Другое дело — время устойчивой религиозности, веры, основанной на прочном фундаменте двуединой жизни: земной, преходящей, и небесной, вечной. Последняя, правда, возможна лишь там, где человек сознательно готовится к ней и выбирает такую форму личного поведения, которая размывает, а

иногда и почти снимает границу между пребыванием “здесь” и переселением “туда”. Социальные потрясения XX в. в немалой мере притупили духовную чуткость человека, а там и сям утвердившиеся безрелигиозные режимы и вовсе сделали его безвольной тенью в механизмах государственной машины. Тем более примечательны исключения из правила, дающие пример высокой стойкости духа, независимости убеждений и внешне почти никак не выраженного, но истинно религиозного сознания.

Именно так следует расценивать письмо Алексея Федоровича Лосева к Николаю Михайловичу Тарабукину, отосланное за месяц до кончины Тарабукина (он умер 21 февраля 1956 г.). Оригинал письма находится в бумагах Николая Михайловича, сохранившихся — после передачи основной части его архива в Отдел рукописей Гос. Библиотеки СССР имени В. И. Ленина — в частном собрании А. Г. Дунаева (Москва). Хотя это письмо уже было опубликовано, мало кто знает о нем, так как публикация нашла себе место в журнале и ее целью было не столько содержание письма, сколько обнаружение отрывка из неизвестного ранее текста Н. М. Тарабукина¹. Иначе говоря — текст письма появился вместе с малосвязанным с ним текстом другого автора. Ныне мы вновь возвращаемся к письму А. Ф. Лосева и, прежде чем читатель вдумается в смысл письма, сделаем краткие пояснения к факту его появления.

Заметим прежде всего, что в отличие от А. Ф. Лосева, известность которого как ученого-мыслителя давно стала фактом нашей общественно-интеллектуальной жизни, личность Н. М. Тарабукина пока лишь неявно вырисовывается в тумане полузабытой истории отечественной культуры первой половины XX в. Глядя на немногие уцелевшие его фотопортреты, мы видим усталое и вместе с тем на редкость невыразительное лицо, что особенно чувствуется в сравнении с одухотворенным лицом А. Ф. Лосева. В облике Н. М. Тарабукина ясно уловим отпечаток чего-то официального и даже (не побоимся этого слова) равнодушно-непривлекательного. Лицо вежливое чиновника из учреждения культуры — такое первое и устойчивое впечатление. Тем более удивительно, что письмо А. Ф. Лосева своей неприкрытой взволнованностью, эмоциональной пронзительностью рисует нам совсем иную ипостась Н. М. Тарабукина, которая и характеризует его настоящую природу.

Приведем полный текст письма²:

“Любовь Ивановна! Прочтите Николаю Михайловичу мою записку, когда это будет возможно.

15/1-56 г.

Ваш всегда А. Лосев

Николай! Узнавши о твоей тяжелой болезни, я хотел было тебя навестить. Но общие друзья не советуют тебя беспокоить. Поэтому пользуюсь письмом и хочу тебе сказать одно: прости меня, ради Христа, если я тебя когда-нибудь обидел. Я тебя любил больше 30 лет, и любовь моя останется неизменной вовек. Твоя страдальческая жизнь дороже мне сотен других, благополучных жизней. Прости меня и не забудь обо мне.

Твой всегда, и здесь и в вечности, А. Л."

Что же нам известно об адресате этого предсмертного для него письма-послания? Николай Михайлович Тарабукин родился 25 августа (ст. ст.) 1889 г. в селе Спасском одноименного уезда Казанской губернии. Остаются неясными происхождение его родителей, специальность отца, обстоятельства переезда семьи из Казани в Ярославль, где Николай Михайлович провел гимназические годы. В 1911 г. он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, но год спустя оставил Москву и был зачислен в ярославский Демидовский юридический лицей (одно из старейших высших учебных заведений в России), который и окончил в 1916 г. В это же время он переехал в Петроград, а в 1917 — в Москву. В 1918-1919 гг. Н. М. Тарабукин неоднократно наезжал в Ярославль, а в 1921-1922 — в Тверь. Цель пребывания в Ярославле не установлена, в Твери же он читал лекции по теории и истории искусств. Еще гимназистом Н. М. Тарабукин близко сошелся с известным впоследствии художником (иллюстратором Волтера) М. К. Соколовым, а в Твери — с художницей А. Ф. Софроновой, которые остались его друзьями на всю жизнь. Эта рано установившаяся связь в какой-то мере определила интересы Н. М. Тарабукина, причем явная склонность к революционно-левым формам искусства нашла отражение в его наиболее значительных печатных работах 20-х годов: "Опыт теории живописи" (1923), "От мольберта к машине" (1923), "Искусство дня" (1925). Многочисленные рецензии на выставки современных ему русских и французских художников, на посвященные им издания рисуют Н. М. Тарабукина как чрезвычайно плодовитого, наблюдательного и бескомпромиссного критика, причем критика, кругозор которого распространяется не только на классические виды искусства, но и на кино, плакат, фотографию, книжную обложку, дизайн, рекламу и т. п. В те же двадцатые он как-то легко и естественно включился в научно-общественную работу, развернувшуюся в недрах новых художественных учреждений Москвы и Петрограда-Ленинграда: он преподавал в Хоровой академии, Вху-

темасе и Пролеткульте, был действительным членом и ученым секретарем Инхука, активно сотрудничал в ГАХН, а после упразднения почти всех названных институтов, академий и обществ постоянным ученым приставником Н. М. Тарабукина стали институты театрального искусства и кинематографии.

Подобно многим другим современникам, Н. М. Тарабукин пострадал в культурную революцию, в ходе которой подверглись разгрому почти все институты и преподавательские кафедры, ориентированные на нетрадиционные формы творчества и методы обучения. Довольно скоро возобладал догматический подход к искусству, преградивший путь к эксперименту и насильственно устранивший наиболее яркие, свежие творческие силы. В годы террора были сосланы, расстреляны, замучены в тюрьмах и лагерях, иной раз морально сломлены многие из его друзей, соратников, сотрудников, единомышленников. Н. М. Тарабукин остался жив, но эта свобода была куплена ценою длительного молчания. Если в 1918-1928 гг. он опубликовал 143 работы, то за оставшиеся еще двадцать восемь лет жизни только две: в 1933 и 1947 гг.

Было бы, однако, неверно думать, что он оставил научную деятельность. Нет, началась "подпольная", потаенная часть его жизни как ученого. Мало кто знал, что этот рыхловатый, флегматично-медлительный и на внешний вид совсем обыкновенный советский преподаватель-служащий сохранил пытливый интерес к искусству. Его изначальные установки и способы исследования не могли получить признания в официальной науке, все более и более увязавшей в путах полумертвого марксизма. Взгляды Николая Михайловича заметно смещаются в сторону философии искусства. Собственно говоря, уже самая ранняя известная нам его научная работа выдержана в теоретическом ключе: это "Философия иконы" 1916 г., отдельные главы которой шлифовались автором вплоть до начала 30-х годов. Почти несомненно, что она была инспирирована публичными лекциями Е. Н. Трубецкого (в 1915 и 1916 гг.), который первым обратился к философскому осмыслению иконописи и постарался связать художественный образ иконы с самораскрытием в ней души русского народа.

Затем Н. М. Тарабукиным были написаны "Проблема стиля в живописи" (1927), "Проблема пространства в живописи" (1929), "Жест в искусстве" (1929), "Теория композиции в живописи" (1934), точно недатированная "Философия культуры" и множество других крупных и мелких работ. Не оставлял он и конкретно-прикладного

изучения искусства, о чем свидетельствует его превосходная (лучшая!) монография о Врубеле, изданная лишь в 1974 г., и оставшаяся в рукописи докторская диссертация о крестово-купольных храмах Армении и Грузии и их значении в истории мирового зодчества³.

Но вернемся к письму А. Ф. Лосева. Его предваряет записка к жене Николая Михайловича — художнице Л. И. Рыбаковой, урожденной Чулковой, родной сестре писателя Георгия Чулкова и первой жене врача-психиатра Ф. Е. Рыбакова, лечившего Врубеля. Далее следует обращение к самому Н. М. Тарабукину, причем едва ли не самое удивительное в этом письме — острое ощущение ухода Н. М. Тарабукина в настоящую полноту жизни и сиротливое напоминание простить невольные обиды и не забывать автора письма — А. Ф. Лосева. В плане христианского мировоззрения здесь все поставлено на свои места, и лишь наша произвольная привязанность к земной жизни мешает в полной мере оценить это обращение — естественное для А. Ф. Лосева и Н. М. Тарабукина.

Из глубоко личного содержания текста письма однозначно явствует, что А. Ф. Лосева и Н. М. Тарабукина связывали очень давние, близкие, хотя, быть может, и непросто складывавшиеся отношения. “Я любил тебя больше 30 лет...” — стало быть, с начала 20-х годов (примерно с 1923 г.), когда они вместе нередко подвизались в качестве докладчиков в Гос. академии художественных наук и, вероятно, в музыкальных учреждениях Москвы. Но, пожалуй, лучшим свидетельством этой близости, опиравшейся на сходное направление научной мысли, служит то, что обширные отрывки из неопубликованного исследования Н. М. Тарабукина “Проблема пространства в живописи” включены А. Ф. Лосевым в его легендарную “Диалектику мифа”⁴ — кажется, последнее в советской России авторское частное издание, повлекшее за собой арест Алексея Федоровича и его высылку на Беломорканалстрой, а затем — после освобождения в 1933 г. — ту же, почти двадцатилетнюю потаенную исследовательскую работу в атмосфере всеобщего страха, преследований и общественного одичания. Здесь, разумеется, не место сопоставлять вклад в науку А. Ф. Лосева и Н. М. Тарабукина. Думается, подлинная оценка творческого наследия Н. М. Тарабукина — дело не близкого будущего, и лишь со временем смысл публикуемого письма приобретет пока еще скрытую от нас настоящую оценку незаурядной личности Николая Михайловича его ос-

тающимся жить другом. Воистину — “и здесь и в вечности”.

- ¹ К столетию со дня рождения Н. М. Тарабукина /Предисл. и публ. А. Дунаева // Декор. Искусство СССР. 1989. № 10 (383). С. 29. А. Г. Дунаев любезно предоставил нам письмо для вторичного издания.
- ² Вдвое сложенный лист, на одной половинке которого — краткое обращение к жене Н. М. Тарабукина, а на другой — письмо к Н. М. Тарабукину.
- ³ Научной биографии Н. М. Тарабукина нет, существуют лишь краткие заметки о нем в связи с начинающимися публикациями отдельных его книг и статей. К счастью, подготовлен и издан полный перечень печатных и архивных работ ученого. См.: Библиографический указатель трудов Н. М. Тарабукина, архивных материалов и литературы о Н. М. Тарабукине /Сост. А. Г. Дунаев. М., 1990 (издано на ротаторе на правах рукописи тиражом 50 экз.).
- ⁴ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 1930. С. 119-123 (издание автора) (то же в кн.: Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 485-488).

Публикация Г. И. Вздорнова

Список печатных работ А. Ф. Лосева*

- Диалектика мифа (отрывок из книги) // Родина. 1989. № 10. С.95-96.
Письмо к Н. М. Тарабукину от 15/1-56 г.: К столетию со дня рождения Н. М. Тарабукина // Декор искусство СССР. 1989. № 10. С.29.
Поэзия, мировоззрение, миф // Пушкинист, М., 1989. Вып. 1. С. 160-161.
Родина: (фрагмент из повести “Жизнь”) // Лит газ. 1990. 24 янв.
Русская философия // Новый журнал. Нью-Йорк. 1989. Кн. 175. С. 278-304.
Реальность общего // Альманах библиофила. М., 1989. № 26. С. 228-229.
Проблемы за символа и реалистичного изкуство. София, 1989. С. 439.
Повесть “Жизнь” // Юность. 1989. № 4. С. 14-17. № 5. 1989. С. 78-93.
Очерки античного символизма и мифологии (фрагмент) // Природа и человек. 1990. № 3. С. 62-67.
Из размышлений о Вл. Соловьеве: (Из последних бесед с А. Ф. Лосевым) /Беседу вел Ю. Ростовцев // Альманах “Поэзия”. 1990. № 55. С. 196-204.
Макробий и Марциан Капелла — философствующие писатели поздней античности // Вопросы классической филологии: Античность в контексте современности. М., 1990. № 10. С. 5-33.
Из воспоминаний // Студ. меридиан. 1990. № 5. С. 29-32.
Страсть к диалектике. М., 1990. С. 320.
Из книги “Теории стиля”: Модернизм и современные ему течения // Контекст-1990. М., 1990. С. 25-55.

* Начало см.: Контекст-1990. С.55-63, 260.(1989-1990)